

Город убийц

Шашек Елена

Елена Шашек

Город Убийц

«Автор»

2026

Шашек Е. Л.

Город Убийц / Е. Л. Шашек — «Автор», 2026

Второй шанс редко бывает подарком — чаще это проверка на прочность. Данила прошёл её ценой огромных усилий: он выстроил новую жизнь кирпичик за кирпичиком — легальный бизнес, репутация, мир без страха и крови. Он заслужил этот шанс и теперь изо всех сил его бережёт. Но хаос не спрашивает, готов ли ты. Элеанор, Королева Хаоса, бьёт точно в слабые места: её отряд «Духов» растворяется в тенях, а её воля сметает любые планы. Её хаос — это тот самый язык, который Данила когда-то знал лучше родного. Власти двадцать лет пытаются поймать её, потому что ищут логику в правилах, а она живёт вне правил. Единственный, кто видит эту разницу, — Данила. Он знает, как её остановить. Но цена этого знания — его новая жизнь. Перед ним стоит выбор, от которого зависит всё: рискнуть своим вторым шансом и снова заговорить на языке хаоса — или позволить городу сорваться в пропасть. Сможет ли он спасти город, не потеряв себя?

© Шашек Е. Л., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Предыстория.	5
Глава 1. Её ночь.	9
Глава 2. Собрание.	14
Глава 3. Следы.	19
Глава 4. Следы на мокром асфальте.	22
Глава 5. Ловушка.	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Елена Шашек

Город Убийц

Предыстория.

Город не сразу становится врагом. Сначала он просто равнодушен. Он не замечает тебя, не смотрит в глаза, не запоминает твоё имя. Для него ты — ещё одна тень среди тысяч других, ещё один шаг по шерботому асфальту, который впитывает осеннюю грязь, но никогда не просыхает до конца. Ещё одна история, которую он сплёвывает вместе с мокротой под ноги прохожим. Именно таким был этот город для Данила Викторовича в его двадцать пять лет — не жестоким, а глухим, как старый пень, поросший мхом безразличия.

Данила вырос на северной окраине, в районе, который даже в официальных бумагах сухо называли «зоной нестабильной застройки». Дома здесь стояли косо, будто устали держать спину прямо после десятилетий борьбы с болотистой почвой. Фасады шелушились серой краской, обнажая рыжие подтёки ржавчины, а в подъездах пахло сыростью и обречённостью. Его отец работал на старом заводе металлоконструкций, который ещё в девяностые начал медленно умирать, скрипя перекрытиями, а к нулевым превратился в скелет из ржавых балок и пустых, продуваемых всеми ветрами цехов. Мать преподавала литературу в вечерней школе и каждый день возвращалась домой с лицом, на котором усталость лежала тяжёлым, почти видимым слоем, оседая глубокими тенями вокруг глаз.

Данила рано понял: чтобы выжить в этом месте, нужно либо стать невидимым — научиться смотреть в пол, когда пьяные соседи орут в подъезде; не поднимать глаз, когда патруль прочёсывает дворы; не дышать слишком громко, чтобы не привлекать внимания, — либо научиться диктовать условия. Он помнил тот день, когда сделал выбор. Ему было четырнадцать. Отец вернулся с завода с разбитым лицом — кто-то из начальства решил, что он слишком много знает о махинациях с металлом. Мать плакала на кухне, зажимая рот ладонью, чтобы не разбудить соседей. А Данила стоял в коридоре и смотрел на них. И в тот момент он поклялся себе: он никогда не будет тем, кто плачет на кухне. Никогда не будет тем, кто ждёт, пока кто-то другой решит его судьбу. Он будет тем, кто решает. Даже если для этого придётся стать тем, кого бояться. Уже в пятнадцать лет он знал, где можно достать всё, что угодно: от редких подшипников для сломанного велосипеда до контрабандных сигарет, которые потом перепродавали старшекласники во дворе заброшенного ДК. У него была чуйка на людей: он видел микроскопические изменения в мимике, слышал фальшь в тембре голоса, чувствовал кожей, кто боится, кто врёт, а кто готов рискнуть ради лишнего рубля. К восемнадцати он собрал вокруг себя небольшую группу ребят, которым было так же нечего терять, как и ему. Они не называли себя бандой — это слово звучало слишком пафосно, напоминая дешёвые боевики на затёртых видеокассетах. Они были просто «теми, кто решает вопросы».

Среди них особенно выделялся Костя — парень с нервным, лающим смехом и удивительной способностью находить общий язык с кем угодно, от заплывшего жиром завскладом до патрульного сержанта. Он мог уговорить охранника пропустить их через закрытый шлагбаум, просто поделившись с ним горячим пирожком, а продавца на рынке — отдать товар без предоплаты, посмотрев тому в глаза так доверчиво, что рука сама тянулась отбить чек. Данила ценил эту лёгкость, сам ею не обладая. Его сила была в деталях: он запоминал, когда у патруля пересменка и последние полчаса смены самые опасные, потому что люди хотят спать; он знал, где камеры слепнут в тени козырьков ровно на семнадцать секунд; он понимал, как ветер гонит шум мусоровоза по дворам и заглушает шаги. Он превратил район в свою личную карту,

где каждая выбоина, лужа и каждый глухой, вонючий переулок между гаражами были частью стратегии.

К двадцати пяти Данила уже был тем, кого в районе знали все. Его называли «чёрным кардиналом» — не потому, что он был злым садистом, а потому, что умел делать так, чтобы нужные вещи происходили в нужном месте и в нужное время без единого его слова. Он не любил насилие ради насилия — кровь плохо отстирывается и привлекает лишнее внимание, — но знал, когда кулак — единственный язык, который понимают зарвавшиеся конкуренты. Его сила была не в мускулах, а в информации: он знал маршруты патрулей, имена тех, кто берёт взятки в отделе нравов, и где лежат слабые места в любой системе, будь то логистическая компания или районный суд.

В тот год город начал меняться. Старые заводы закрывались один за другим, издав прощальный вздох гудками, а на их месте появлялись склады, таможенные терминалы и логистические узлы. Северная окраина вдруг стала стратегически важной точкой: через неё шли грузы, через неё проходили чёрные деньги, через неё можно было контролировать целые потоки импорта. И именно тогда на Данила начали смотреть не как на мелкого дельца районного масштаба, а как на препятствие. Как на занозу, которая мешает большим людям строить империю.

Его главной аферой стала переправка крупной партии контрабанды — электроники, спрятанной в бочках с химическими отходами, — через заброшенный склад отца. План был безупречен: он учёл всё — от расписания смен вечно пьяных сторожей до направления ветра, который должен был заглушить лязг металла. Он чувствовал себя почти непобедимым: город лежал у его ног, как старая карта, на которой он сам расставил все метки флажками. Но он не учёл одного: в городе уже тогда работала сеть информаторов службы экономической безопасности, о которой он не знал. Кто-то, кто умел видеть дальше и глубже, чем уличный хищник, уже давно следил за каждым его шагом.

Костя был первым, кто почувствовал неладное. За день до операции он подошёл к Даниле с бледным, осунувшимся лицом и сказал: «Тут что-то не так. В переулках слишком тихо. Даже крысы не бегают, забились под фундамент». Данила тогда отмахнулся, раздражённо швырнув окурок в лужу: «Ты просто перенервничал. Выпись». Он не хотел верить, что его идеальная карта могла устареть. И эта минута сомнения, этот отказ прислушаться к тому, кто видел мир иначе, стал его главной ошибкой.

Когда он вышел из склада с последним ящиком, прижимая к груди опечатанный контейнер, его уже ждали. Спецназ, полиция, вспышки камер — всё слилось в один ослепительный, холодный кошмар. Его взяли без единого выстрела, но с такой хирургической точностью, что он понял: кто-то знал о каждом его вдохе. В ту секунду, когда на его запястьях щёлкнули холодные наручники, мир рухнул. Не от боли, не от страха перед тюрьмой, а от осознания абсолютного провала. Его собственная сила — его чуйка, его знание города — обернулась против него, став идеальным путеводителем для ловушки.

Суд был быстрым и показательно безжалостным. Судья, седой мужчина с лицом, будто высеченным из камня порывами северного ветра, смотрел на него без тени сочувствия и čekал каждое слово:

— Учитывая тяжесть преступления, наличие отягчающих обстоятельств и полное отсутствие раскаяния, суд постановляет: признать Данила Викторовича виновным и назначить наказание в виде пяти лет лишения свободы с отбыванием в колонии строгого режима. — Зал взорвался возбуждённым шёпотом, защёлкали фотоаппаратуры прессы, а Данила стоял, чувствуя, как мир вокруг него рушится, кирпичик за кирпичиком, погребая под собой того парня, которым он был.

Пять лет. Целая вечность, упакованная в серые стены, железные решётки и запах хлорки, смешанной с кислотой. Там он научился молчать неделями, научился слушать тишину, научился видеть то, что скрыто от глаз других — страх в надзирателе, гниль в авторитете. Он

наблюдал за людьми: за тем, как они ломаются на третьем году, превращаясь в овощи, как держатся на зубах, сплевывая кровь, как пытаются сохранить хоть что-то человеческое, читая потрёпанные письма. Он понял, что истинная сила — это не контроль над другими, а умение отпускать. Отпускать злость, обиду и прошлое. И ещё он понял одну простую вещь: прошлое не исчезает — оно просто ждёт своего часа в тёмной комнате, чтобы щелчком пальцев включить свет и напомнить о себе.

Однажды к нему в швейный цех подошёл старый преступник, бывший прораб с того самого завода, где когда-то работал отец Данила. Мужик потерял три пальца на левой руке, говорил сквозь выбитые зубы и пах табаком. «Ты думаешь, ты тут самый умный? — хрипло спросил он, присев рядом на лавку во время перекура. — Ум тут не спасает. Спасает привычка. Привычка держаться ровно, когда всё валится тебе на голову». Данила запомнил эти слова. Они не давали утешения, но давали опору: не пытаться победить систему лбом, а научиться в ней выживать, не теряя стержня.

Когда Данила вышел на свободу, город встретил его не как героя и не как жертву, а как пустое место, которое нужно было заново заполнить бетоном. Он не хотел возвращаться к старому — запаха тюрьмы хватало, чтобы вызывать тошноту, — но и не знал, куда идти. Первое время он перебивался случайными заработками, разгружая те самые фуры на новых терминалах, пока однажды не наткнулся на объявление о продаже старого завода по переработке мусора. Завод был в ужасном состоянии: территория заросла двухметровым борщевиком, цеха стояли пустыми, а оборудование напоминало скелеты древних машин, умерших от старости. Но Данила увидел в этом не руины, а возможность. Мусор — это единственное, чего в Хаос-бурге всегда будет в избытке.

Он вложил в завод всё, что у него было: последние деньги, снятые со старых заначек, силы, остатки веры в то, что завтрашний день может быть лучше вчерашнего. Он работал по шестнадцать часов в сутки, спал прямо в каптёрке на продавленном диване, пропахшем мазутом, договаривался с поставщиками, нанимал местных маргиналов, готовых работать за еду и койку, учился новому — читал ГОСТы, изучал химию полимеров. Он понял, что переработка мусора — это не просто бизнес, а способ вернуть городу хоть немного порядка. Каждый килограмм отсортированного пластика, каждая тонна переплавленного металла становились для него маленькими победами над хаосом, который он когда-то сам помогал создавать.

Завод начал приносить прибыль, сначала скромную, а затем неприлично большую, а Данила — репутацию. Он не пытался стереть своё прошлое, понимая бессмысленность этой затеи, но старался сделать так, чтобы оно больше не определяло его будущее. Он жертвовал миллионы на благотворительность, помогая местным школам чинить крыши, участвовал в городских проектах по озеленению. Он хотел доказать себе и другим, что человек может измениться, если дать ему точку опоры. Но при этом он никогда не говорил о своём прошлом. Для него это была закрытая стальная дверь с кодовым замком, которую он не собирался открывать. Со временем завод превратился в крупное предприятие, одно из немногих чистых пятен на карте промышленности региона, а Данила — в уважаемого бизнесмена. Его называли миллионером, меценатом, человеком, который сделал себя сам с нуля. Журналисты писали восторженные статьи о self-made man. Но в глубине души он знал: стоит кому-то потянуть за нужную ниточку, заглянуть в архивы суда или найти обиженного им в юности барыгу, и вся эта новая жизнь рассыплется, обнажив старые шрамы. Он старался не думать об этом, старался жить настоящим, глядя в финансовые отчёты. Но город, как и прежде, ничего не забывал. Иногда по вечерам, когда завод затихал, оставляя лишь низкое трансформаторное гудение, Данила включал городские сводки новостей и слушал сухие фразы дикторов о новых происшествиях. Он давно не интересовался криминальными хрониками ради любопытства — они были для него чем-то вроде зеркала заднего вида. И когда в новостях впервые прозвучало прозвище «Королева хаоса», он едва заметно вздрогнул, пролив остывший чай на график отгрузок. Её стиль

— дерзкий, театральный, но выверенный до секунды — был пугающе похож на то, как он сам работал в молодости. Только теперь вместо мелких сделок она бросала вызов всей системе. Это не восхищало его — это тревожило ледяным спазмом в животе. Он слишком хорошо знал, как легко такой огонь выходит из-под контроля и сжигает не только врага, но и того, кто его разжёт. Именно поэтому, когда Иосиф Константинович вошёл в его кабинет и попросил помочь в поимке Королевы Хаоса, Данила сначала взорвался. Это было не просто раздражение уставшего человека — это была паника зверя, попавшего в капкан. Паника человека, который столько лет строил новую жизнь и боялся, что её разрушат одним словом, одной справкой из архива МВД. Он не хотел вспоминать о своём прошлом, не хотел снова становиться тем, кем был когда-то, чувствовать на шее дыхание конвоя. Но в то же время он понимал: если Королева Хаоса продолжит своё дело, город погрузится в анархию, и тогда пострадают те, кто ни в чём не виноват — обычные работяги, дети, старики. А этого он допустить не мог. Не после того, как сам похоронил часть своей души в той грязи. И вот он снова стоит у панорамного окна своего кабинета, смотрит на пустырь, на дорогу, освещённую фонарями, на завод, который когда-то стал для него спасением, и понимает: прошлое всё-таки дождалось своего часа. Оно пришло не с обвинениями, а с просьбой о помощи. Он берёт старую папку с документами, открывает её и видит фотографию молодого себя — с дерзким взглядом и улыбкой, которая обещала, что этот город будет принадлежать ему. На мгновение ему кажется, что тот парень смотрит на него с упрёком: «Ты думал, что сможешь убежать? Ты думал, что сможешь забыть?» Но Данила лишь тихо закрывает папку и убирает её обратно в сейф.

— Ладно, — шепчет он в темноту кабинета. — Посмотрим, что можно сделать.

Глава 1. Её ночь.

Ночь накрыла Хаосбург тяжёлым, плотным покрывалом, сотканным из смога и сырости. Высоко в небе виднелись редкие, колючие звёзды — они будто насмехались над тем, что творилось внизу: холодный свет равнодушно заливал улицы, выбеливая трещины в асфальте, похожие на морщины, ржавые козырьки подъездов и облупившуюся краску на фасадах цвета детской неожиданности. В этом свете даже самые привычные очертания становились чужими, зловещими — словно город на время сбрасывал маску обыденности и обнажал свою истинную суть: гниющий каркас. Везде стояла крошечная, ватная тишина — та самая, которая бывает только в местах, где люди научились бояться собственных шагов и дышать вполсилы. Изредка слышно было, как ветер воет в подворотнях и в арках домов, выдувая из узких проулков остатки дневного тепла и унося с собой обрывки старых газет и стойкий запах гари с мусоросжигательного завода на юге. Этот вой звучал как предупреждение, написанное на языке костей: «Не выходи. Не смотри. Не вмешивайся. Сиди дома и считай свои долги».

Но вот в этот момент над городом пронеслось пять теней. Они двигались с огромной скоростью прямо по крышам панельных девятиэтажек, перепрыгивая с одного здания на другое с пугающей лёгкостью акробатов. Их силуэты мелькали на фоне звёзд, то полностью сливаясь с антрацитовою темнотой, то на мгновение проявляясь, когда лунный свет касался острых углов их экипировки. Это были Духи — отряд Элеонор, её тень, её голос, её сжатый кулак. Они не оставляли следов на рубероиде, не попадали в объективы камер наблюдения и появлялись там, где их меньше всего ждали — в мёртвых зонах городской безопасности. А внизу, по узким улочкам частного сектора, задыхаясь и спотыкаясь о выбоины в асфальте, бежал человек. Он падал в грязную жижу, поднимался, поскользываясь на мокрой листве, снова бежал, оставляя на тёмном асфальте тёмные, быстро расплывающиеся капли крови. Его дорогое пальто развевалось, как крылья подбитой птицы. Его дыхание вырывалось хриплыми, свистящими звуками пробитого лёгкого, которые почти тонули в вое ветра. Он пытался улизнуть от преследователей, ныряя в лабиринт гаражей, но от Духов так просто не уйти: они знали каждый переулок, каждый открытый люк теплотрассы, каждый чёрный ход в этом городе. И сейчас они загнали его в тупик — в узкий двор-колодец между двумя обшарпанными панельными домами, где даже звёзды казались далёкими, тусклыми и абсолютно бесполезными. Духи окружили его плотным полукольцом, не приближаясь вплотную, но и не давая ни малейшего шанса на побег. Их лица скрывали балаклавы с причудливыми рисунками черепов, а позы были расслабленными, почти ленивыми — будто они могли стоять так хоть всю ночь, дожидаясь, пока жертва сама упадёт от усталости и разрыва сердца. И в этот момент во дворе разлился резкий, холодный свет фар. Щёлкнула тяжелая дверца. Из машины вышла она — Королева Хаоса. Элеонор ступала уверенно, без лишней спешки, цокая каблуками по разбитому асфальту, будто весь этот грязный, промозглый город принадлежал ей по праву рождения. Её взгляд был обжигающе ледяным, способным заморозить воду в лужах. На голове был низко надвинут капюшон плотной парки, а в тени капюшона на губах виднелась та самая хитрая, чуть асимметричная улыбка — она будто съедала людей изнутри, лишая их воли к сопротивлению ещё до первого удара. Она подошла ближе. Духи тут же отошли на шаг, синхронно, как единый механизм, освобождая ей пространство — пространство для решения чужой судьбы. Человек был явно напуган до животного состояния: он был невысокого роста, плотный, в белом испачканном кровью костюме, который когда-то, наверное, стоил годовую зарплату рабочего, а теперь казался нелепым в этом грязном дворе. На голове у него была огромная белая шляпа, съехавшая набок, которая закрывала лицо, но не могла скрыть дрожи в пухлых руках. В них он сжимал небольшой сундук, весь покрытый золотом и поддельными драгоценными камнями, — прижимал к себе, будто это был его единственный шанс купить билет на тот свет.

— Не стыдно брать чужое, явно не принадлежащее тебе? — спросила Элеонор, остановившись в двух шагах от него. Её голос звучал спокойно, почти буднично, с лёгкой хрипотцой курильщика, от чего становилось ещё страшнее, чем от криков. Человек рухнул на колени прямо в лужу, дорогая ткань брюк мгновенно пропиталась водой и мазутом. Он начал мелко, суетливо кланяться, всхлипывая:

— Не велите казнить, прошу! Госпожа, ваше величество! Но это мой сундучок!

— Да? И что же там лежит, раз он твой? Золотые слитки? Расписки мафии? — спросила Королева Хаоса, чуть наклонив голову набок с деланным интересом.

— Там то, что осталось мне по наследству от моей прабабки! Семейные реликвии! Память! — сказал мужчина сквозь слёзы, подняв на неё полные мольбы глаза. И тут он совершил последнюю ошибку в своей жизни: он увидел то, что не оставило ему ни малейшего шанса остаться в живых ни при каких обстоятельствах. Свет фар упал на её лицо. Он увидел эти голубые, совершенно неестественного, химического оттенка глаза, эту улыбку, которая обещала не прощение, а конец.

— Но раз ты меня уже увидел... — проговорила Элеонор, медленно доставая из-под полы заряженный арбалет. Она не колебалась ни секунды, взводя тетиву плавным движением кисти. — ...то мне не остаётся других вариантов, кроме как сделать это. Щёлкнула сталь. Стрела с коротким, мерзким свистом влетела точно в переносицу, пригвоздив тело к земле. Звук падения тяжёлого тела показался оглушительным. Она опустила оружие, подошла к упавшему телу, брезгливо переступив через растекающуюся лужу крови. Забрала сундук и коротко бросила через плечо командиру Духов:

— Вы знаете, что с ним делать. После этого села в машину, хлопнув дверью так, что сработала сигнализация соседней развалюхи, и уехала прочь, оставив за спиной тихий двор, в котором теперь было на одного человека меньше — и на одного духа, возможно, больше. Работа сделана, пора сдавать смену. По приезду на свою базу — заброшенный элеватор на самой окраине, где кирпичные стены хранили больше секретов, чем любой архив города, — Элеонор открыла сундук в одиночестве. Внутри, среди россыпи пожелтевших листов из бухгалтерских книг и обломков старых карандашей, лежали маленькие золотые часы на цепочке — старинные, с потускневшим циферблатом и тонкой гравировкой на крышке. Она достала их, провела пальцем по гравировке, сдувая пыль, будто проверяя, не стёрлось ли время её давнего обещания, и, подойдя к пробковой доске, густо усеянной вырезками, фотографиями, распечатками маршрутов и записками, повесила часы на канцелярскую кнопку. Рядом висели десятки других мелких трофеев: полицейский жетон, связка ключей, пуговица с мундира прокурора. Каждый имел свою историю. В этот момент в комнату вошёл Савватий — один из немногих, кто мог позволить себе задавать вопросы, не рискуя получить стрелу в горло. Он был старше Элеонор лет на десять, с густой сединой на висках и взглядом человека, который слишком много видел, чтобы чему-то удивляться, но достаточно долго служил ей, чтобы продолжать бояться.

— Зачем так было напрягаться ради каких-то часов? Ради побрякушки ценой в пару сотен баксов? — спросил он, скрестив руки на груди и прислонившись к косяку.

— Ну, как минимум потому, что они мои, — ответила Элеонор, не оборачиваясь. Она аккуратно прикрепила крышку доски, пряча трофей.

— А как максимум? — настаивал Савватий, подходя ближе. От него пахло дешевым кофе и оружейным маслом.

— Тебе знать необязательно, — буркнула Элеонор, но в её голосе не было злости — скорее свинцовая усталость командира после ночной смены.

Савватий вздохнул и шагнул ближе, нависая над столом:

— Слушай, честно, это не моё дело, я тебе подчиняюсь, а не советую, но ты сегодня прикончила чиновника. Не барыгу, не сутенёра. Чиновника из мэрии. Ты уверена, что тебе за это ничего не будет? Что крыша сверху не протечёт? Вот ты этим со сколько лет занимаешься?

— Ну, где-то с двенадцати лет, — ответила Элеонор, скрестив руки на груди и наконец повернувшись к нему. Но прежде чем голос стал жёстким, как наждак, она на секунду коснулась цепочки на запястье — той самой, что осталась от часов. Провела пальцем по металлу, будто проверяя, не стёрлось ли обещание, данное самой себе в детстве, и тут же спрятала руку за спину, будто стыдясь этой слабости.

— Ну вот, и за это время тебя ни разу не поймали. Но я уверен, что так будет не всегда. Закон больших чисел, Элеонор. Они найдут способ тебя поймать. Поставят капкан на живца. И, да, ты же уже не молодая. Тебе не двенадцать лет, а уже тридцать два года. Всё-таки, как ни крути, но реакция замедляется, суставы начинают ныть на погоду. Навыки некоторые уходят.

Элеонор села за стол, закинула ноги в тяжёлых берцах на столешницу, откинувшись на спинку старого офисного кресла, которое жалобно скрипнуло:

— Ты сюда пришёл, чтобы мне морали читать, ветеран? Или как? Ты думаешь, я этого не знаю? Что зеркало в ванной показывает мне новые морщины? Увы, но ты прав только в одном: мне действительно уже не двенадцать, и я прекрасно понимаю, что я творю и что я делаю. А эти важные шишки думали, что я их трогать точно не буду. Что я побоюсь кусать руку, которая кормит. Ха-ха! Они прям как маленькие дети, верящие в Деда Мороза.

— Так что, мы это действительно делаем? — уточнил Савватий, не сводя с неё внимательного взгляда. — Переходим черту? Начинаем войну с государством?

— Естественно. Ты знаешь, я приказы не обсуждаю и не меняю. Особенно свои собственные.

Савватий кивнул, будто принимая этот ответ как должное, развернулся и вышел, тихо прикрыв за собой тяжёлую металлическую дверь. Элеонор откинулась на кресле, закрыла глаза и начала прокручивать в голове дальнейшие действия, выстраивая схему завтрашнего дня. Мысли сплетались в тугой узел: каждый шаг теперь отзывался не только угрозой для города, но и риском для тех, кто ей доверял, кто пошёл за ней в этот ад. Сама того не ожидая, она уснула — на несколько минут, сидя прямо в кресле, но этого хватило, чтобы мир вокруг на мгновение перестал быть полем битвы и стал просто тихим помещением с пробковой доской и старыми часами, мерно отмеряющими время до рассвета. Когда она открыла глаза, ночь уже сдавала позиции: небо на востоке серело, приобретая цвет грязной стали, и город, ещё не зная, что его ждёт, начинал просыпаться.

Утро обрушилось на город серым, тяжёлым небом, которое казалось готовым рухнуть на крыши домов и раздавить их своей массой. Оно было полностью затянуто тучами цвета мокрого пепла, и воздух пах дождём, который никак не мог пролиться, гарью с мусоросжигательного завода и пылью — привычным запахом Хаосбурга. Казалось, вот-вот польёт ледяной ливень, но людям было всё равно на погоду. Они вставали, собирались, торопились: кто-то на работу к станкам, кто-то в школу, кто-то просто по своим важным и нужным делам, пытаясь успеть до того, как улицы окончательно встанут в пробках. Их движения были быстрыми, дергаными, почти нервными, как у зверей, которые чувствуют приближение лесного пожара, но вынуждены бежать через чащу вперёд.

Хаосбург никогда не был дружелюбным местом, но сегодня он казался особенно неприглядным. Старые кирпичные дома, выстроившиеся вдоль улиц, будто съёжились под тяжестью неба, а их облупившиеся фасады выглядели как незаживающие шрамы на лице старого бойца. Витрины магазинов прятались за глухими металлическими ставнями, даже если внутри уже горел свет: привычка держать круговую оборону въелась в этот город глубже, чем ржавчина в арматуру или канализация под мостовыми. На углах домов темнели свежие граффити, сделанные явно ночью, пока полиция оцепляла площадь: кто-то вывел жирными, капающими бук-

вами из баллончика «Королева следит», кто-то — более сдержанно, но не менее тревожно: «Не задерживайся после заката». Эти надписи не были чьей-то шуткой или актом вандализма — это были дорожные знаки, по которым горожане читали текущую температуру страха в городе.

Однако один только вид, открывшийся в самом центре, на площади Юбилея, омрачил всё их настроение на весь день. На высокой железной стеле, посвящённой основанию Хаосбурга, висел чиновник — тот самый, которого прошлой ночью прикончила Элеонор. Его звали Герман Александрович Краснов: когда-то он считался одним из самых перспективных управленцев мэрии, человеком со связями, а теперь стал символом того, что даже власть в этом городе не даёт защиты, превращая своих служителей в мишени. Площадь тут же оцепили спецназ и полиция, выставив тройной кордон. Приехала пожарная машина с длинной выдвижной лестницей: один из спецназовцев поднялся наверх, тяжело дыша в респиратор, и убедился, что перед ним не иллюзия, не манекен и не чья-то злая шутка. Там действительно висел человек со стрелой арбалета, торчащей изо лба, а на самой стреле болталась картонная табличка: «Не пытайтесь поймать нас: долгих двадцать лет не получалось, и сейчас не выйдет». На обратной стороне неровным почерком было выведено: «И да, не берите то, что вам не принадлежит». Вскоре подъехала скорая, чьи врачи лишь констатировали смерть, а следом — журналисты. Они пытались пройти ближе, выкрикивали вопросы прямо в лица бойцов ОМОН, щёлкали камерами, ослепляя вспышками, но оцепление держалось твёрдо, работая щитами как единым механизмом. Тем временем СМИ уже сделали важное объявление экстренного включения: на огромном экране медиа фасада появился мэр города Александр Вельвотов. Его лицо было бледным, словно посыпанным мукой, голос — жёстким и ломким, будто он сам не верил в то, что говорит.

— Сегодня ночью было совершено самое ужасное убийство в новейшей истории Хаосбурга, — заявил он, глядя прямо в камеру покрасневшими глазами. Его пальцы так сильно сжимали край трибуны, что побелели костяшки. — Королевой Хаоса был цинично убит важный чиновник администрации — Краснов. В связи с этим беспрецедентным актом террора были предприняты немедленные меры безопасности: теперь на улицах города будет дежурить усиленный патруль полиции и Росгвардии. После восьми часов вечера на улице запрещено находиться пенсионерам и детям, а после девяти часов вечера — и всем остальным гражданам без специального пропуска. Пока выясняются остальные обстоятельства, просьба сохранять полное спокойствие и не поддаваться панике.

Увы, призыв мэра провалился. В городе уже началась очередная, неконтролируемая паника. Люди перешёптывались на остановках, сбиваясь в плотные кучки, испуганно смотрели на часы, торопились домой, будто ночь могла подкрасться раньше обычного и сожрать их прямо на тротуаре. В кафе и магазинах разговоры крутились вокруг одного: «А если она придёт за мной?», «А если следующим будет мой начальник, потому что я плохо выполняю план?», «А если это только начало конца?». В одном из небольших кофеен у самой площади бариста, обычно спокойный и невозмутимый парень с татуировками, дважды пролил кипяток мимо чашки, обжёг руку, выругался, а потом резко захлопнул кассу и объявил в пустоту: «Мы закрыты по техническим причинам. Сегодня лучше быть дома».

На автобусных остановках люди сбивались в небольшие группы, жались друг к другу, словно стадо овец, чувствуя хищника рядом. Кто-то нервно проверял, надёжно ли застёгнут рюкзак, кто-то старался не смотреть на стелу, превратившуюся в виселицу, но взгляд всё равно возвращался туда, к этому нелепому, страшному памятнику ночи. Даже дети, обычно не замечающие тревожных вибраций города и кричащие во всё горло, сегодня шли тише воды, ниже травы, крепко сцепившись в руки родителей.

А в нескольких кварталах от площади, в заброшенном складском районе порта, где асфальт давно уступил место трещинам и пучкам жёсткой, мёртвой травы, стояла база Элеонор. Внутри, в полутёмном кабинете, пропахшем озоном и оружейной смазкой, она сидела в

старом офисном кресле, закинув ноги в грязных берцах на стол, и смотрела на экран ноутбука. На нём сменялись кадры с площади: съёмки очевидцев, интервью с потрясёнными прохожими, официальные заявления полиции. Её лицо оставалось спокойным, почти скучающим, словно она смотрела плохой сериал, но в глубине глаз мелькали холодные искры расчёта.

Рядом с ноутбуком на столе лежал тот самый сундучок — теперь пустой, если не считать тонкой золотой цепочки, которую Элеонор вытащила и небрежно, словно резинку для волос, намотала на запястье. Часы прабабки она оставила на пробковой доске, среди других трофеев, каждый из которых был не просто вещью, а узлом в сложной паутине её власти.

В углу комнаты тихо, гипнотически тикали старые настенные часы с маятником — единственный звук, который нарушал гудящую тишину серверов. Элеонор слушала их мерный ход и думала. Не о Краснове — он был отработанным материалом. Не о мэре — он предсказуем. И даже не о том, как город сейчас дрожит от страха. Она думала о следующем шаге, о том, где правительство даст трещину под давлением прессы, и как эту трещину превратить в разлом, способный поглотить здание целиком.

Её длинные пальцы постукивали по столу в такт тиканью, выбивая сложный ритм, будто отбивая такт будущего хаоса. Она знала: паника — это тоже ресурс. Кто-то теряет голову, начинает палить в воздух и давить людей в толпе, а кто-то, как она, становится только собраннее, острее, чище. И сейчас, когда город замер в ожидании следующего удара, Элеонор чувствовала странное, почти забытое ощущение — чистый азарт. Не от жестокости, а от масштаба игры. Она двигала фигуры на доске, где ставкой была не партия и не деньги. Ставкой был сам город.

Она щёлкнула крышкой ноутбука. Экран погас, и комната погрузилась в густой полумрак, освещаемый лишь тусклой лампочкой аварийного питания. В этот момент дверь тихо приоткрылась без скрипа, и в проёме снова показался Савватий. Он не вошёл, просто остановился на пороге, опираясь плечом о косяк, будто проверяя, готова ли она услышать ещё один неудобный вопрос.

— Ты уверена, что это сработает? — тихо спросил он, не глядя на неё, а скорее в пустоту между ними. — Город сегодня не просто напуган. Он в ярости. А злость толпы иногда бывает опаснее страха. Элеонор чуть наклонила голову набок, будто прислушиваясь не к словам, а к тому, что стояло за ними — к вибрации стен.

— Злость — это тоже движение, — проговорила она спокойно, продолжая рассматривать свои ногти. — А движение — это хаос. А хаос — это мой город. Мой климат.

Савватий кивнул, принимая этот ответ как должное, хмыкнул и снова прикрыл тяжёлую стальную дверь, отрезая звуки внешнего мира. Элеонор осталась одна, в тишине, нарушаемой только монотонным тиканьем часов. Она откинулась на спинку кресла, закрыла глаза и позволила себе на несколько секунд не думать о планах, о долгах крови, о следующем ударе. Но даже в этой короткой паузе её разум продолжал работать, как безупречный механизм, который нельзя остановить простым выключателем.

И когда она снова открыла глаза, в них уже горел тот самый холодный, синий огонь, который горожане научились узнавать слишком хорошо. Следующий ход был готов. Фигуры расставлены. Осталось только дожидаться нужного момента...

Глава 2. Собрание.

— Это уже ни в какие рамки не лезет! — голос мэра Александра Алексеевича Вильвотова ударил по полированной столешнице, заставив подпрыгнуть пустую чашку из-под эспрессо. Он тяжело дышал, словно только что поднялся на десятый этаж пешком. Массивные щеки тряслись, галстук был ослаблен до предела. — Она всё крушит и разрушает. Убивает любого, кто ей неугоден. Мы боролись с ней долгие двадцать лет, Ваше Величество гонялась за мелкими закладчиками и обкуренной шпаной, и мы их защищали: выдавали кучу законов о комендантском часе, ставили охрану на каждой парковке у супермаркетов. Но мы даже не предполагали, что она начнёт охоту на правительство. На тех, кто держит этот город на плаву!

В зале заседаний пахло озоном от кондиционера и застарелым страхом. На полированной поверхности длинного стола тускло отражались лампы дневного света, а на стене тикали старинные часы — их мерный, равнодушный ход будто отсчитывал секунды до объявления банкротства города.

— Полностью поддерживаю, — твёрдо заявил Иван Георгиевич Раковский, глава полиции. Его пальцы не просто постукивали — они выбивали по кожаной папке нервную дробь, как пулёмётная очередь. Папка была распухшей, пухлой от рапортов.

— И с какой стороны нам ждать следующий удар? А самое главное — по кому из нас? Краснов курировал откаты за строительство развязки. Кто курирует бюджет здравоохранения? Я?

— Её надо поймать, — снова повторил Александр Алексеевич, и в его голосе прозвучала не столько уверенность главнокомандующего, сколько отчаянный визг тонущего человека, хватающегося за соломинку. — Слышите? Любой ценой!

— Но как? — вмешался Роман Ильич, начальник службы безопасности мэрии. Его обычно невозмутимое лицо сейчас было серым, под глазами залегли фиолетовые тени. — Мы перепробовали абсолютно всё: начиная от попыток внедрить крота — двоих нашли в заливе с бетоном на ногах, — заканчивая ловушками с газовыми гранатами, рассчитанными на саму Королеву. Но они не оставляют следов. Не попадают в объективы камер. Будто растворяются в воздухе. Или над воздухом.

На мгновение в зале повисла тишина, густая и тяжёлая. Только часы продолжали свой бесконечный, издевательский отсчёт, напоминая каждому присутствующему о бессонной ночи.

— А что, если мы отправим на её поимку того, кто знает всю эту грязь изнутри? — неожиданно пискнул секретарь мэра, молодой человек с вечно взъерошенными волосами и взглядом загнанного хорька. — Ну, скажем, кого-то из бывших? У кого мозг работает так же, как у неё?

Все присутствующие с изумлением повернулись к нему. Секретарь съёжился под взглядами, втянул голову в плечи и поспешно добавил:

— А что? Логика! Преступник мыслит как преступник!

— Ага, конечно, — скептически хмыкнул Раковский, но в его голосе впервые не было металла. Скорее, это был скрип старой шестерёнки, которая пытается провернуться после долгой спячки. — И кого мы отправим? Действующих преступников с зоны? Чтобы они не просто её поймали, а объединились, создали профсоюз грабителей и натворили дел вместе с ней?

В комнате раздалось несколько сдержанных, нервных смешков. Идея казалась абсурдной, но сам масштаб катастрофы делал абсурд чуть ли не единственной надеждой.

— А что, если... — задумчиво протянул Иосиф Константинович, глава департамента образования, человек, который всегда носил твидовые пиджаки и говорил тихо, чтобы никого не обидеть. Сегодня он выглядел помятым, но решительным. — Что, если на её поимку мы

отправим Данила Викторовича? Он ведь тоже, так сказать, был частью пейзажа. Отсидел срок, вышел, потихоньку начал исправляться, стал директором «Эко-Ресурса», теперь миллионер, каждый год жертвует миллионы на благотворительность. Образец для подражания.

— Он прекратил любую связь с криминалом пять лет назад, — тут же возразил Раковский, но в его голосе уже не было прежней категоричности. — Подписал бумагу о сотрудничестве со следствием, сдал пару мелких складов. Если быть конкретнее, он вообще не хочет ничего слышать о своём тёмном прошлом. Кричал на меня прошлый раз, когда я просто спросил про логистику южной трассы. Грозил адвокатами.

— А что, если действительно попробовать? — после паузы снова заговорил Раковский, подавшись вперёд. В его глазах мелькнуло что-то хищное, азартное. — Что, если его уговорить? Использовать его слабые места. Семью, например. Или завод. Он понимает механику улиц лучше, чем любой наш аналитик с дипломом академии МВД. И, да, мы все ему доверяем больше, чем любому стукачу, который сейчас греет нары.

— Хм... хорошая идея, — задумчиво произнёс мэр, постукивая пальцами по столу. Звук получался глухим, деревянным. — Договариваться идёте вы, Иосиф Константинович. Вы предложили — вам и хлебать. Уговорите его. Найдите слова. Расскажите, как плачет вдова чиновника. Иосиф Константинович побледнел ещё сильнее, хотя минуту назад это казалось невозможным. Он смущённо посмотрел на мэра, потом на свои идеально начищенные туфли.

— Хорошо, я это сделаю, — тяжело вздохнув, проговорил он. — Прямо сейчас. — Всё, собрание окончено, — сухо произнёс Александр Алексеевич, тяжело поднимаясь. Колени предательски хрустнули.

— Работаем, господа. Город горит.

Все одновременно встали и начали расходиться по своим делам, шаркая подошвами, словно после тяжёлой, изнуряющей битвы, в которой никто не одержал победы, но все потяряли людей. Иосиф Константинович медленно пошёл к выходу, спустился вниз по мраморной лестнице, где гулко отдавались шаги, вышел из здания администрации. Город встретил его привычной серостью: небо было затянуто тяжёлыми, беременными снегом тучами, асфальт блестел от противогололёдной смеси, а воздух пах гарью ТЭЦ и безысходностью. Он сел на заднее сиденье служебного автомобиля, обитое холодным велюром, и, глядя в окно на проплывающие мимо одинаковые бетонные коробки, тихо сказал водителю:

— На северную окраину. К Данилу Викторовичу.

— Да, конечно, Иосиф Константинович, — отозвался водитель, включая поворотник. Они поехали. За окном мелькали улицы, одна за другой, одинаковые в своей серости и усталости. Старые кирпичные дома, облупившиеся фасады, металлические рольставни на витринах первых этажей, бессмысленные граффити на углах — всё это выглядело как шрамы на лице города, который слишком много пережил и почти разучился улыбаться людям. Наконец, показалась северная окраина. Здесь дома стояли реже, между ними тянулись пустыри, заросшие жёстким татарником и заваленные строительным мусором. Чуть дальше виднелась дорога к огромному заводу по переработке мусора — массивное сооружение из бетона и металла, которое днём гудело, как разъярённый зверь, пожирая отходы, а ночью замирало, становясь похожим на спящего исполина. Рядом с заводом стоял огромный частный двухэтажный дом. Он выглядел не столько роскошным, сколько неприступным бункером: высокие стены, камеры на каждом углу, перекрывающие слепые зоны, строгие охранники в чёрной форме у ворот, которые держали руки рядом с кобурами. Машина подъехала к КПП. Один из охранников подошёл к автомобилю, наклонился, профессионально осматривая салон, и спокойно спросил:

— Чем могу помочь? Водитель приоткрыл своё окно. Стекло опустилось с тихим жужжанием.

— Данила Викторович дома? Иосифу Константиновичу нужна аудиенция. По личному вопросу чрезвычайной важности.

— Да, дома. Проезжайте на гостевую стоянку, второй бокс. Я сообщу, — кивнул охранник и жестом дал знак поднять шлагбаум.

Иосиф Константинович вышел из машины, чувствуя, как с каждым шагом по гравийной дорожке его уверенность тает, словно кусок сахара в кипятке. Дом встретил его тишиной и прохладой кондиционированного воздуха. Внутри пахло дубовым шпоном, дорогим кофе и чем-то неуловимо стерильным, как в операционной. Тишина здесь была не пустой, а наполненной — будто сам дом был живым существом, привыкшим хранить чужие тайны и переваривать тревоги. Его встретила домработница — женщина средних лет с усталыми, но добрыми глазами профессионального наблюдателя. Она молча кивнула и жестом пригласила следовать за ней. Они прошли по длинному коридору, мимо картин в тяжёлых золочёных рамах — мрачные морские пейзажи, — мимо дверей, за которыми, казалось, прятались целые миры, и остановились у массивной двери из тёмного дерева венге. Домработница тихо постучала костяшками пальцев, подождала ровно две секунды, затем открыла дверь и сказала в темноту кабинета:

— К вам посетитель. Иосиф Константинович.

— Да-да, знаю. Впусти его, — раздался из глубины спокойный, чуть усталый баритон. Иосиф Константинович вошёл внутрь и сел на стул для посетителей, стоящий прямо перед массивным столом из массива дуба. За столом сидел Данила Викторович — мужчина лет сорока пяти, с густой проседью на висках и аккуратной стрижкой. Взгляд у него был такой, словно он видел слишком много дерьма и теперь старался лишний раз не фокусировать зрение на реальности. Он сидел вполоборота к окну, за которым виднелся пустырь и далёкие оранжевые огни завода, и будто размышлял о чём-то своём, бесконечно далёком от проблем мэрии.

— Что нужно совету от простого работяги? — не поворачиваясь от окна, ровным голосом спросил Данила.

— Нам очень нужна ваша помощь, а если точнее — ваш специфический опыт, — тихо, но твёрдо ответил Иосиф Константинович, сцепив вспотевшие ладони в замок. Данила Викторович медленно повернул голову. Кресло под ним не издало ни звука. В его взгляде мелькнуло что-то такое острое, режущее, от чего у Иосифа Константиновича по спине пробежал неприятный холодок, несмотря на тёплое помещение.

— Опыт? Какой именно опыт вас интересует, господин учитель? — переспросил он, и в голосе его прозвучала горькая, ядовитая усмешка. Иосиф Константинович глубоко вздохнул, собирая остатки воли, и произнёс, глядя строго в стол:

— Нам нужна ваша помощь в поимке Королевы Хаоса... Но договорить он не успел. Данила Викторович резко встал, так быстро, что рукав его кашемирового пиджака смахнул на пол дорожную ручку «Паркер». Он обошёл стол, нависая над визитёром.

— То есть совету нужен мой опыт?! Мой отвратительный криминальный послужной список?! — в его голосе звучала не просто злость, а физическая боль, которую он столько лет пытался похоронить под слоями бетона своего завода.

— Эм... — растерянно начал Иосиф Константинович, чувствуя, как земля уходит из-под ног, а стул становится невыносимо неудобным. — Ну, если быть настолько прямолинейным, то да... Вы видели новости? Вы понимаете, что она натворила вчера ночью? Мы предполагаем, что следующей её целью будет кто-то из нас. Из плоти и крови. И мы не можем её поймать. За двадцать лет мы не узнали ни о ней, ни о её отряде буквально ничего. Ни-че-го. И нам без вас точно никак не справиться. Данила Викторович снова тяжело вздохнул, отвернулся и подошёл к окну. Он долго смотрел куда-то вдаль, на дымящие трубы, пытаясь разглядеть там ответы на вопросы, которые не решался задать вслух. Его плечи слегка опустились, дорогой костюм вдруг повис мешком, а лицо стало старше лет на десять, будто годы, которые он так старательно забыл, внезапно навалились всей своей тяжестью.

— Я сделал всё, — наконец тихо произнёс он, не оборачиваясь. — Я заплатил налоги, я построил цеха, я отдал им лучшие годы, чтобы забыть о своём прошлом и о правительстве. Но

вы явно не остановитесь... Так уж и быть, я помогу вам, чем смогу. Посмотрю карты, маршруты. Но не ждите от меня чудес или стрельбы с двух рук. Я уже не молодой уличный кот. А теперь — вон из моего кабинета, — строго закончил он, но в этой строгости уже не было прежней ярости. Скорее, это была глубокая, смертельная усталость человека, которому снова пришлось надеть старую, ржавую броню, сняв гражданский костюм. На лице Иосифа Константиновича заиграла жалкая, радостная улыбка облегчения. Он резко вскочил, чуть не опрокинув стул, и с облегчением выдохнул:

— Спасибо вам огромное! Вы спасаете город! И, не дожидаясь ответа, боясь, что Данила передумает, поспешно вышел из кабинета, пятясь задом. Когда дверь за ним закрылась, отрезав звуки суетливого мира, Данила Викторович остался один. Он подошёл к столу, тяжело рухнул в кресло и закрыл глаза. Он снова посмотрел в окно, на свой завод, который должен был быть символом новой жизни. Его взгляд случайно зацепился за угол стола — за тот самый глубокий скол вишнёвого лака, который он сам когда-то оставил в юности, когда в пьяном гневном ударе по столешнице кулаком. И сразу перед глазами вспыхнула другая сцена, запахло сыростью СИЗО...

«Тогда ему было двадцать пять лет. Город был другим — не таким мрачным, не таким уставшим от самого себя, но уже начинал терять краски. Данила тогда был не директором, не миллионером и не благодетелем. Он был тем, кого называли «чёрным кардиналом» окраины: человеком, который знал, где достать всё, что угодно, и который умел заставить других делать то, что нужно ему, одним щелчком пальцев. В ту ночь он провернул самую крупную свою аферу: организовал переправку крупной партии контрабанды через заброшенный склад отца.

План был безупречен — или так ему казалось. Он учёл всё: маршруты патрулей ППС, расписание смен сторожей, даже ветер, который должен был заглушить лязг ворот. Но он не учёл одного: в городе уже тогда работала сеть информаторов ФСБ, о которой он не знал. Когда он вышел из склада с последним ящиком, прижимая его к груди, его уже ждали. Спецназ ФСБ, полиция, вспышки камер — всё слилось в один ослепительный, холодный ад. Его взяли без единого выстрела, но с такой точностью, что он понял: кто-то знал о каждом его шаге, о каждом вдохе. Суд был быстрым и безжалостным.

Судья, седой мужчина с лицом, будто высеченным из гранита, смотрел на него без тени сочувствия и чеканил каждое слово:

— Учитывая тяжесть преступления... признать виновным... назначить наказание в виде пяти лет лишения свободы... Зал взорвался шёпотом, защёлкали вспышки, а Данила стоял, чувствуя, как мир вокруг него рушится, кирпичик за кирпичиком. Он не кричал, не умолял, не пытался оправдаться. Он просто смотрел на судью и понимал: это конец той жизни, которую он знал.

Пять лет. Целая вечность, упакованная в серые стены, железные решётки и запах хлорки».

Данила резко потряхнул головой, словно пытаясь вытряхнуть из неё это воспоминание, как воду из ушей после купания в ледяной проруби. Он снова посмотрел в окно, провёл рукой по лицу, стирая невидимую паутину. На его губах мелькнула горькая, кривая улыбка.

— Ну что ж, попытка не пытка, — тихо сказал он сам себе, и в этом шёпоте прозвучало что-то похожее на смирение перед судьбой. Где-то вдалеке, за пустырём, снова загудел завод — низкий, утробный звук, который здесь привыкли считать почти родным дыханием земли.

Данила Викторович глубоко вдохнул, будто набираясь сил перед прыжком в ледяную воду, и медленно пошёл к встроенному шкафу. На верхней полке, под слоем пыли, лежала старая картонная папка с завязками. Та самая, которую он столько лет старался не открывать, обходя полку стороной. Он достал её. Положил на стол. Бумага пахла старостью и бедой. Он не спеша развязал тесёмки и открыл обложку. На первой странице была фотография — старая,

глянцевая, немного выгоревшая на солнце, но на ней всё ещё можно было разглядеть молодого мужчину с дерзким, смеющимся взглядом и улыбкой, которая обещала всему этому городу, что он будет принадлежать ему. Данила долго смотрел на эту фотографию, водя пальцем по стеклу рамки, а потом тихо закрыл папку, завязал тесёмки и убрал обратно в темноту шкафа.

— Ладно, — прошептал он в пустоту. — Посмотрим, что можно сделать. Где эти чёртовы схемы канализации?

Глава 3. Следы.

День в Хаосбурге угасал неспешно, будто нехотя уступая место темноте, как проигравший игрок уступает фишки победителю. Солнце, давно потерявшее силу и цвет, цеплялось последними лучами за острые шпили недостроенных высоток, размазывая по грязным фасадам длинные, кроваво-багровые тени. Улицы ещё хранили дневной шум: где-то хлопали металлические двери ларьков, продавцы торопливо собирали товар, опасаясь вечерних рейдов, грузчики перекрикивались у фур, а редкие прохожие ускоряли шаг, будто чувствовали, как воздух становится тяжелее, плотнее с каждой минутой. Но постепенно суета сходила на нет. Фонари вспыхивали один за другим, их жёлтый, больничный свет казался робким и чужим посреди наступающей, давящей темноты.

Город будто делал глубокий, отравленный выхлопами вдох — и задерживал дыхание перед погружением на дно. Для Элеонор это было самое любимое и самое опасное время. В сумерках город сбрасывал маски благополучия: неоновые вывески клубов тускнели, рекламные экраны гасли, экономя электричество, и на первый план выходила настоящая жизнь — та, что пряталась в переулках, в тених под мостами, в закрытых гаражах и заброшенных теплотрассах. Элеонор знала эти улицы наизусть, каждой порой кожи: каждый поворот, каждый слепой угол видеокамер, каждую выбоину на асфальте, способную сломать ногу. Она вела машину уверенно, одной рукой, почти небрежно, будто город сам подсказывал ей дорогу сквозь лабиринт. Чёрный седан с тонированными стёклами скользил по мокрому, жирному асфальту, оставляя за собой лёгкие брызги грязной воды. Дворники мерно, гипнотически шуршали, стирая с лобового стекла капли начавшегося мелкого дождя. Элеонор смотрела вперёд, сквозь стекло, но видела не просто дорогу — она считывала город, как старую знакомую книгу с рельефным шрифтом: по тому, как свет фонаря ложится на стену (ровно или рывками), по тени, которая чуть дольше держится в проёме арки, чем должна, по странному отсутствию звука там, где обычно лает одичавшая собака или скрипит несмазанная калитка. В какой-то момент она нажала на поворотник — резкий оранжевый клик нарушил интимность салона — и плавно повернула направо, во дворы. Проехав ещё немного, утопив педаль тормоза в самый пол, Элеонор вдруг резко ударила по тормозам. Машина дёрнулась и замерла, фары выхватили из темноты знакомый проезд — тот самый, которым её отряд пользовался уже много лет для отхода. Но сегодня он выглядел иначе. Не то чтобы что-то явно изменилось: ни новых ограждений, ни чужих машин, ни подозрительных людей в спортивных костюмах. Просто ощущение было... чужим. Мёртвым. Будто кто-то невидимый стёр одну деталь с холста, и теперь вся картина не складывалась, вызывая мигрень.

— Это что такое? — тихо спросила она саму себя, вглядываясь в полумрак переулка, пригнувшись. Воздух пах озоном и дешёвым табаком. — Это же проезд, которым мы пользуемся уже много лет... Странно, — закончила она вслух. Голос прозвучал непривычно глухо даже для собственных ушей, отразившись от приборной панели. Элеонор переключила передачу. Задним ходом, аккуратно, сантиметр за сантиметром, она начала сдавать назад, выезжая из переулка. Затем дала по газам и поехала прямо, к своей базе — старому промышленному ангару времён холодной войны на самой окраине, где бетонные стены помнили ещё советские секретные разработки, а теперь хранили совсем другие тайны. Когда она подъехала, тяжёлые ворота ангара медленно, со скрежетом разъехались в стороны, пропуская машину внутрь. Элеонор вышла, хлопнув дверцей. Звук отозвался гулким эхом в пустом пространстве огромного помещения. Сделав пару шагов по бетонному полу, она остановилась. Обернулась и посмотрела на ворота, которые медленно закрывались, отрезая её от внешнего мира, от улицы. В этом моменте было что-то тревожное, иррациональное — будто за этими толстыми металлическими створками оставалось не просто враждебный город, а целый мир, который вдруг стал менее

надёжным, как старый лёд. Она простояла так минут пять или шесть, прислушиваясь к тишине, которая здесь звучала совсем не так, как на улицах. Здесь она звенела в ушах. Савватий, стоявший у верстака и о чём-то тихо разговаривавший с молодым сапёром Артёмом, заметил её неподвижность. Они странно переглянулись — в этом взгляде читалось не просто любопытство, а лёгкая профессиональная тревога наставника за ученицу. Ни он, ни Артём никогда не видели Элеонор такой: не собранной пружиной, не дерзкой хищницей, а будто... уязвимой. Словно защитный кокон дал трещину. Наконец Элеонор моргнула. Раз, другой. Повернулась. Её взгляд был растерянным, расфокусированным, слегка напуганным — таким, каким его не видел никто уже очень давно. Королева Хаоса боялась собственной тени. Савватий первым решился нарушить эту вязкую тишину, отложив планшет:

— Ты чего?

— Такое странное чувство, — тихо сказала Элеонор, кутаясь в ворот куртки, хотя в ангаре было тепло. — Будто кто-то за мной следит. Не менты, не наружка. Что-то другое. Холодное. У вас нет такого чувства?

— Ну, было что-то такое сегодня, — пожал плечами Артём, стараясь звучать непринуждённо, но его пальцы нервно теребили ремешок часов. — Когда я шёл от периметра. Как будто спину сверлят. Но я не обращаю на это внимания уже давно. Профессиональная деформация. Кто за нами будет следить? Мы же призраки. Элеонор махнула на него рукой, но в этом жесте не было обычной командирской злости — скорее раздражение на собственную слабость:

— Да ну тебя, мальчишка. Ничего ты не понимаешь. Ладно, перейдём к делу, пока у меня нервы целы. Следующей ночью нам нужно это сделать. Дима вернулся? В этот момент в дальнем конце ангара, где располагался тир, раздались глухие удары. Вошёл Дима, главный техник группы. Его шаги прозвучали особенно громко на фоне повисшей тишины. Лицо у него было красным, видимо, опять копался в проводке.

— Ты всё-таки решила это сделать? — уточнил он, вытирая руки ветошью и глядя прямо на Элеонор.

— Да, — строго сказала она, и голос снова обрёл привычную, стальную твёрдость. — У вас всё готово? Заряды установлены?

— Да! — хором ответили Савватий, Артём и Дима. В их голосах слышалось не только подтверждение готовности, но и что-то ещё — лихорадочный азарт, смешанный с напряжением струны, готовой лопнуть. Элеонор чуть наклонила голову, будто прислушиваясь к внутреннему компасу, и наконец коротко кивнула:

— Хорошо. Тогда действуем по плану «Гильотина». Но у меня всё равно нехорошее предчувствие. Держите глаза открытыми, а уши прижатыми. Если увидите голубя, который смотрит слишком осмысленно — стреляйте.

План, о котором она говорила, был дерзким, почти безумным — и именно поэтому должен был сработать. Элеонор не хотела просто сорвать очередную сделку или припугнуть очередного чинушу. Её цель была куда масштабнее и болезненнее: ударить по крупному перерабатывающему заводу на северной окраине — по самому сердцу империи Даниэля. По его новому трону. Завод был не просто бизнесом. Для Даниэля он стал символом нового порядка, билбордом с надписью «Я изменился»: мол, смотрите, граждане, я теперь не бандит, а уважаемый налогоплательщик, строю легальную экономику, играю по правилам этого прогнившего города. А для Элеонор эти «правила» были насмешкой, плевым в лицо. Она слишком хорошо помнила, как в семнадцать лет смотрела на Данилу снизу-вверх, как на легенду преступного мира — сильного, свободного, живущего по своим законам волка. Но когда он вышел из заключения и не просто завязал, а добровольно встал на сторону тех самых правил, которые всегда казались ей несправедливыми клеткой, в ней что-то надломилось. Предательство учителя часто ранит сильнее, чем нож врага. Уничтожение завода было не столько местью лично Даниле, сколько звонкой, оскорбительной пощёчиной всей этой новой системе, которая пыта-

лась притвориться честной. Лишить его доходов — это мелочь, цифры в отчёте. Главное — послать сигнал всему городу: хаос никуда не исчез, он просто надел маску респектабельности. Порядок, который они так старательно выстраивали, держался на песке и взятках. И Элеонор собиралась это доказать, устроив небольшое землетрясение. Операция была продумана до мелочей: проникновение через старую дренажную систему коллектора, отключение серверной по цепочке дублирующих реле, точечный подрыв ключевых узлов гидравлики прессов, чтобы вызвать каскадное разрушение цехов без лишних жертв среди ночной смены рабочих (Элеонор не была сторонницей бессмысленной крови — её интересовал эффект театрального разрушения, а не садизм). Но именно эта масштабность и делала план рискованным: слишком много переменных, слишком много мест, где могла закрасться ошибка. Пока в ангаре кипела подготовка, раскладывалось снаряжение и проверялись детонаторы, Данила Викторович находился в своём кабинете — в том самом, который должен был символизировать его новую, чистую жизнь. Высокие потолки, тёмное дерево, запах натуральной кожи и холодного стекла. За окном город уже полностью погрузился в ночь, и только редкие огни завода напоминали о том, что где-то там, за стенами этого уютного, дорогого убежища, продолжается настоящая, грязная жизнь. Данила сидел в кресле, слегка откинувшись назад, и смотрел на экран ноутбука. Перед ним были открыты отчёты, графики переработки пластика, прогнозы прибыли — всё то, что должно было доказывать ему самому: он больше не тот человек, который когда-то правил улицами силой страха. Но сегодня цифры не успокаивали. Напротив, они казались пустыми, бессмысленными пикселями. Он чувствовал это странное, почти забытое кожей затылка ощущение — будто город шепчет ему что-то прямо в ухо, чего он не хочет слышать. Будто где-то там, в темноте коллекторов, готовится что-то большое, и он, как бывший хозяин этих теней, обязан это остановить. Данила не верил в мистические предчувствия, считал их уделом слабых, но он слишком хорошо знал физиологию этого города, чтобы игнорировать такие сигналы. Шестое чувство выжившего редко ошибается. Его пальцы медленно постукивали по столешнице, отбивая ритм похоронного марша, а взгляд скользил по бумагам, не задерживаясь ни на одной строчке. В какой-то момент он резко захлопнул крышку ноутбука. Металлический щелчок прозвучал как выстрел. Он встал и подошёл к окну. Город смотрел на него тысячами тёмных окон, и в каждом из них могла прятаться угроза. Оптический прицел.

«Она готовит что-то крупное», — подумал Данила, имея в виду Элеонор. Он не знал, откуда пришла эта уверенность, но она была такой же реальной, как холод бронированного стекла под ладонью. Он вернулся к столу, взял спутниковый телефон и набрал номер одного из своих доверенных людей, начальника внутренней охраны Игоря:

— Проверь все наши объекты. Особенно завод на севере. Пусть люди будут наготове. Жилетки, каски, активные наушники. И сообщи мне немедленно, если заметишь хоть что-то странное. Даже если кошка перебежит дорогу не в том месте. Закончив разговор, Данила снова посмотрел в окно. Город не давал вторых шансов тем, кто терял бдительность. И он не собирался стать одним из них. Где-то в глубине Хаосбурга Элеонор уже отдавала последние распоряжения, её голос звучал твёрдо, маскируя дрожь, но в глазах всё ещё мелькала тень того странного, липкого предчувствия чужой слежки. Савватий и Артём проверяли снаряжение, Дима сверялся с картой подземных коммуникаций, все остальные занимались не менее важной работой, и каждый из них понимал: следующая ночь станет поворотной. Либо они докажут, что хаос всё ещё сильнее порядка, либо... порядок наконец сожрёт их всех. А Данила Викторович, стоя у окна, пытался понять, успеет ли он сделать хоть что-то, чтобы этого не произошло. Время пошло на минуты.

Глава 4. Следы на мокром асфальте.

Ночь окончательно накрыла город, и улицы стали похожи на тёмные вены, по которым текла не кровь, а холодный, липкий страх. Элеонор сидела на краю металлического верстака в ангаре, болтая ногой в такт редкому ритму старого генератора, и глядя, как Савватий методично, почти любовно собирает квадрокоптер-разведчик. Артём ушёл на финальную разведку периметра полчаса назад, и в ангаре стало непривычно тихо, слышно было только гудение ламп и редкий звон металла о металл — где-то в углу капала вода.

Дима стоял рядом с Элеонор, прислонившись плечом к колонне, и смотрел на неё так, будто пытался прочесть что-то между строк, увидеть трещины в броне. Она знала этот взгляд. Он смотрел так всегда, когда хотел сказать что-то важное, но боялся, что она не примет.

— Знаешь, — вдруг сказал Дима, прерывая тишину. Его голос был низким, прокуреным. — Я помню, как всё начиналось. Тебе было двенадцать. Ты тогда была просто девчонкой с окраины, которая хотела доказать всем этим старым, заплывшим жиром авторитетам, что можешь быть злее и быстрее их. А теперь ты сама стала такой же. Только... ты не такая, как они. Ты не просто ломаешь кости ради веселья. Ты строишь свой собственный порядок. Даже если он выглядит снаружи как абсолютный хаос.

Элеонор усмехнулась, криво и невесело, бросив на Диму быстрый взгляд:

— Я могу считать это за комплимент? Но я не строю. Строят архитекторы по чертежам. Я просто динамит. Я не даю им построить то, что мне не нравится. Чувствуешь разницу?

Дима покачал головой, отлепляясь от колонны:

— Это одно и то же, Эль. Процесс созидания через уничтожение. Просто ты не хочешь себе в этом признаваться. Тебе комфортнее думать, что ты вирус, а не садовник, выпалывающий сорняки.

Она хотела что-то резкое ответить, открыть рот, но в этот момент дверь ангара с тяжёлым скрипом открылась, и внутрь ввалился Артём. Мокрый с головы до ног, вода стекала с капюшона на тактический жилет, но с такой широкой, хищной ухмылкой, что сразу стало ясно: прогулка удалась. Он нашёл что-то важное. Он стряхнул воду с куртки движением собаки, и брызги разлетелись по бетонному полу.

— Ну, — выдохнул он, — у меня новости. И они тебе, капитан, сильно не понравятся.

Все трое мгновенно напряглись, подобрались, как псы перед броском. Артём подошёл ближе, достал из внутреннего кармана мятую распечатку термограммы и развернул её на верстаке.

— На периметре завода появились новые посты. Не официальные, не их ЧОП «Щит», а такие... скрытые. В люках теплосети, в кабинах старых кранов. Плюс кто-то начал проверять старые маршруты отхода, которыми мы не пользовались года три. Я видел следы на глине — свежий протектор, рисунок «горный козёл». Кто-то готовится к чему-то. И делает это очень грамотно. Ставят тепловизоры.

Элеонор резко выпрямилась, металл верстака жалобно скрипнул. Она взяла распечатку, взглядела в неё, чувствуя, как внутри поднимается холодная волна.

— Данила, — сказала она. Это был не вопрос. Это было утверждение.

Артём кивнул:

— Точно. Он знает. Или, как минимум, догадывается и перестраховывается. В любом случае, он уже начал готовить встречу. Тепловизоры — это уровень выше, чем у обычного бычья. Он знает нас. Он знает, как мы работаем.

В ангаре повисла тяжёлая тишина, полная гула вентиляции. Савватий первым нарушил её, положив пульт от дрона на стол и выпрямившись во весь рост.

— Значит, мы опоздали. Они уже знают, что мы планируем удар. Операцию нужно сворачивать. Завтра поймают, как детей в песочнице.

Но Элеонор покачала головой. Её глаза опасно блеснули, и в них зажглось что-то, что все узнавали — холодный огонь, который она прятала последние дни.

— Нет. Мы не опоздали. Мы просто должны ударить так, чтобы они не успели среагировать. Если Данила уже усилил охрану стандартными методами, значит, он ждёт нас там, где мы появлялись раньше. Через вентиляцию, через чёрный ход. Значит, мы появимся там, где он нас не ждёт. Через парадный вход.

Дима нахмурился, почесав щетину:

— Это рискованно. Если мы изменим план в последний момент, мы можем потерять контроль над ситуацией. Начнём импровизировать — потеряем людей.

— Контроль — это иллюзия для идиотов, — резко сказала Элеонор, и в её голосе снова зазвучала та самая первобытная сила, которую все знали и боялись. — В Хаосбурге нет контроля. Есть только скорость реакции и фактор неожиданности. И у нас есть и то, и другое. Переходим к плану «Б». Вход через главные ворота на грузовике химзащиты.

Савватий и Дима переглянулись. В этом взгляде читалось всё: сомнение, страх, но и привычное доверие. Они знали, что она никогда не ошибалась. Или почти никогда.

Пока они обсуждали детали, Элеонор отошла в сторону. Она подошла к старому столу, где лежали её вещи, и взяла золотые часы — те самые, которые она забрала у чиновника. Провела пальцем по циферблату, чувствуя холод металла. Часы тикали ровно, без суеты, как будто мир вокруг них не горел. Она смотрела на них и думала о том, что когда-то, очень давно, она была просто девочкой, которая хотела справедливости. А теперь она стояла на пороге операции, которая могла разрушить всё.

Артём подошёл к ней, заметив её взгляд на часах.

— Ты в порядке? — спросил он тихо.

— Я всегда в порядке, — ответила она, убирая часы в карман и не глядя на него. — Иди проверь оружие. Через час выезжаем.

Он хотел сказать что-то ещё, но не решился. Просто кивнул и отошёл.

Она осталась одна. В ангаре было холодно, но она не чувствовала холода. Она чувствовала только то, что всегда чувствовала перед операцией: тихое, ледяное спокойствие. И где-то глубоко внутри — вопрос, который она не задавала себе вслух. «Правильно ли я делаю?»

Тем временем Данила Викторович ехал по ночному городу в салоне бронированного внедорожника. Дождь усилился, дворники работали на максимум, размазывая неон в акварель. С каждым километром его уверенность в том, что он делает всё правильно, только крепла. Он не любил полагаться на предчувствия, предпочитая сухие данные, но слишком хорошо знал анатомию этого города. Если Элеонор что-то готовила, она делала это масштабно, нагло и обязательно в самое больное место. И завод был самым логичным выбором. Это удар по кошельку, по репутации и по самолюбию одновременно.

Его машина медленно двигалась по окраинам, где свет фонарей становился всё реже, превращаясь в отдельные островки жёлтого света в океане чернил, а тени — всё длиннее, причудливее. Данила смотрел на мелькающие за пуленепробиваемым стеклом силуэты заброшенных зданий, старых складов, полуразрушенных гаражей — и вспоминал, каким был этот город раньше. Тогда он сам был частью этого хаоса, его нервной системой, и знал все его правила. Теперь он пытался создать новые правила, написать новый кодекс, но старые всё ещё жили где-то в глубине улиц, в шёпоте ветра, в скрипе старых дверей, в тенях, которые двигались чуть быстрее, чем должны были согласно законам физики.

Он думал о том, что она, возможно, уже знает о его приготовлениях. Он думал о том, что она, возможно, уже приняла решение. И он думал о том, что если она сделает ошибку, если она переступит черту, которую он не сможет переступить, он не сможет её спасти.

Когда он подъехал к заводу, его встретил начальник охраны — суровый мужчина с лицом, изборождённым шрамами и морщинами, бывший майор спецназа ГРУ. Его звали Николай Степанович. Он был здесь уже десять лет, и за это время пережил пять попыток взлома, три поджога и одну перестрелку. Данила доверял ему, как себе.

— Всё спокойно, шеф, — доложил Николай Степанович, подсвечивая планшет. — Никаких подозрительных движений за последние четыре часа. Мы усилили патрули, как вы и просили. Добавили собак. Две немецкие овчарки, клички Рекс и Альфа. Обе с опытом работы в розыске.

Данила кивнул, поднимая воротник пальто. Дождь уже не прекращался, и капли стекали по лицу, смешиваясь с холодным потом, который выступил на лбу.

— Собаки — хорошо, — сказал он. — Но она не дура. Она знает, как обойти охранников. Она знает, как обойти всё.

Николай Степанович нахмурился, глядя на него с сомнением.

— Вы думаете, она всё равно придёт?

— Я знаю, — ответил Данила. — Она всегда приходит. Она не умеет останавливаться.

Он прошёл в административное здание, поднялся на второй этаж, где располагался его кабинет. Зашёл внутрь, сел за стол и посмотрел на мониторы, на которых транслировалось изображение с камер наблюдения. Всё было тихо. Слишком тихо.

Он открыл ящик стола, достал старую карту города, на которой были отмечены все места, где она могла появиться. Провёл пальцем по линии, которую она, скорее всего, выберет. «Если она умна — она пойдёт через главный вход», — подумал он. «Но она умна. Значит, она может выбрать что-то другое».

Данила стоял у окна, глядя на город. Дождь стихал, и где-то в тучах начинала пробиваться луна. Он смотрел на её свет, на мокрые крыши, на редкие огни — и думал о том, что она уже не та девочка, которую он когда-то знал. И он уже не тот человек.

Он закрыл глаза. Тишина в кабинете была плотной, как вода. Он слышал только своё дыхание и редкие капли, стекающие по стеклу.

Когда он открыл глаза, в них уже не было сомнений. Он вышел из кабинета, запер дверь и направился к выходу.

Завтра всё решится.

Глава 5. Ловушка.

Небо закатилось багровым, болезненным цветом — будто по горизонту вспороли брюхо гигантской рыбины, и густая кровь медленно стекала вниз, цепляясь за трубы ТЭЦ, ржавые крыши гаражей и антенны хрущёвок. Солнце садилось тяжело, без спешки, словно не хотело оставлять город на растерзание темноте. На северной окраине, где заводские корпуса тянулись к небу серыми стенами, воздух уже остывал, но ещё хранил дневной жар, смешанный с запахом гари, озона и мокрой пыли. Элеонор сидела в машине, припаркованной в глубокой тени старого ремонтного ангара. Стекло было чуть опущено, и в салон просачивался ветер — резкий, колючий, пахнувший мазутом и близкой грозой. Он шептал: «Не делай этого». Но она не слушала. Её пальцы так крепко сжимали полиуретановый руль, что костяшки побелели.

В груди ворочалось знакомое чувство — не страх перед провалом, а холодное, острое как лезвие предвкушение. Она знала анатомию этого чувства: если сейчас дрогнуть, потом будет поздно ловить пулю. План, который она выстраивала неделями, держался на миллиметрах и секундах. Рядом, на пассажирском сиденье, неподвижно застыл Дух — один из её отряда. Они называли себя так не ради дешевой театральности. Это были реальные сущности, лишённые плоти в привычном понимании, привязанные к Королеве Хаоса старыми долгами. Их лица всегда скрывали маски-череп, под которыми клубилась лишь абсолютная тьма. Их способность заключалась в единственном умении: становиться самой ночью. Превращаться в густой, осязаемый туман или чёрный дым, стирая границы собственного тела.

— Время, капитан, — прошелестел Дух, не разжимая губ. Голос звучал сразу отовсюду, эхом отражаясь от пластика дверей. — Если сейчас не пойдём — через двадцать минут сменимся патруль у ворот. Мы потеряем окно.

— Знаю, — коротко бросила Элеонор, не отрывая взгляда от тёмного силуэта завода. — Просто... не люблю, когда всё идёт слишком гладко.

— Слишком гладко — это когда нас уже ждут в засаде, — ответил Дух, и его фигура начала терять чёткость, расплываясь по сиденью чёрным маревом. — А пока нас просто не видят. Для призраков это идеальные условия.

Она вышла из машины. Воздух ударил в лицо — холодный, влажный, с привкусом железа. Она пошла вперёд, почти не пригибаясь. Духи скользнул следом, тенью, которая то уплотнялась до человеческого силуэта, то снова растворялась в сумерках, становясь неотличимой от теней мусорных баков. Они двигались по отработанной схеме: вдоль стены, мимо рядов ржавых контейнеров, через пролом в ограждении. Шаги ложились на асфальт ровно. Внутри завод казался мёртвым царством. Гигантские конвейеры застыли, лампы дежурного освещения горели пятнами. Элеонор шла уверенно. Дух держался справа, периодически распадаясь на клубы дыма, чтобы проскользнуть под закрытыми дверями цехов и проверить наличие скрытых датчиков движения.

— Сюда, — шепнула она в микрофон гарнитуры, сворачивая в боковой коридор административного крыла. — По плану Данила должен быть здесь. У него пункт мониторинга прямо над главным цехом.

— Если он вообще здесь сидит, — прошелестел Дух, просачиваясь сквозь вентиляционную решётку.

— Он здесь, — уверенно сказала Элеонор. — Это вопрос его эго. Он не уйдёт со своего поста, пока лично не убедится, что мы пришли именно за ним.

Коридор вывел их в небольшой зал — бывший цех сортировки. Сейчас он был пуст, только посередине стоял стол с мониторами. И у дальней стены, прислонившись плечом к бетонной колонне, прямо под выходом к лестнице, стоял Данила Викторович. Он не прятался. Стоял открыто, в полутени, руки свободно опущены, лицо спокойное. Но в этом спокойствии

чувствовалась холодная сталь. Элеонор остановилась в десяти метрах. Дух замер рядом, превратившись в абсолютно чёрный, плоский силуэт, слившийся с полом. — Ты знала, что я здесь, — не спросил, а констатировал Данила Викторович. Его голос звучал ровно. — Ты шла сюда целенаправленно. Потому что хотела меня увидеть.

— Я шла сюда, чтобы закончить то, что ты начал десять лет назад, — ответила Элеонор, делая шаг вперёд. — Чтобы показать тебе, что твой порядок — это просто другая форма хаоса.

Данила чуть наклонил голову:

— Порядок — это способ не дать хаосу сожрать слабых. Тех, кто не умеет кусаться. Ты нападаешь на систему, но не видишь, кто в ней страдает.

— Слабых не бывает, — резко бросила Элеонор. — Бывают те, кто не хочет бороться.

— Или бывают те, кто уже слишком много боролся, — тихо ответил Данила.

— Им нужно место, где можно просто дышать носом, а не рвать глотки.

Дух переступил с ноги на ногу, оставаясь облаком мрака. Он чувствовал, как пространство стягивается в тугой узел.

— Хватит философии, — процедила Элеонор. — Ты знаешь, зачем я пришла.

— Знаю, — кивнул Данила. — Ты хочешь доказать себе, что сильнее. Что можешь сломать то, что я построил. Но сила — это умение держать удар и не становиться таким же животным, как те, кого ты презираешь.

Элеонор сжала кулаки. Слова били не хуже кастета. В её памяти вспыхнул старый переулочек, вкус крови во рту. Тогда она решила: если нельзя победить правила — заставь всех бояться твоего беззакония.

— Не смей читать мне мораль! — прошипела она. — Ты такой же, как они! Ты просто сменил кожанку на кашемир!

— Может, и так, — спокойно согласился Данила. — Но я хотя бы пытаюсь не делать хуже тем, кто работает внизу. В этот момент Дух выполнил приказ. Без звука, без предупреждения. Его фигура взорвалась облаком густого, непроницаемого чёрного дыма. Туман мгновенно заполнил углы зала, отрезая пути отхода и создавая визуальную стену между спецназом (который уже должен был входить) и центром помещения. Способность отряда позволяла им исчезать бесследно. Приказ Элеонор был однозначен: спасти командира. Дух не стал вступать в бой. Облако тумана стремительно втянулось в вентиляционную шахту под потолком, оставив после себя лишь запах озона и сырой земли. Его никто не смог поймать — для полиции он буквально растворился в воздухе.

Тем временем Данила действовал. Он не ждал продолжения диалога. Когда Элеонор отвлеклась на исчезновение подчинённого, он сделал выпад. Это не был удар уличного драчуна — это был точный, экономный захват. Он сократил дистанцию, проигнорировав серию её жестких блоков, перехватил её руку, крутанул корпус, используя инерцию, и оказался вплотную. Одно движение — и рука Элеонор оказалась заведена за спину до хруста сустава. Второе — и он всем весом впечатал её лицом в металлическую стойку стеллажа, заблокировав шею сгибом локтя. Классический полицейский зажим, выполненный с пугающей точностью. Элеонор зарычала, пытаясь достать его ногами, но хватка была железной. Она чувствовала, как трещат плечевые связки. Мир сужался.

— Достаточно, — тихо сказал Данила ей на ухо. — Ты выбрала неправильный путь. Она боролась ещё секунду, мышцы свело судорогой от нехватки кислорода.

Гордость кричала, но здравый смысл шептал: «Ты проиграла». Когда перед глазами поплыли тёмные пятна, она выдохнула, упираясь лбом в холодный металл:

— Сдаюсь!

Слово прозвучало глухо.

Данила тут же ослабил хватку, давая ей сползти вниз, но не отпустил плечо, контролируя каждое движение. Элеонор почувствовала, как хватка ослабла, и вдохнула — рвано, с

присвистом. Она могла бы попытаться ударить его затылком, вскочить, выхватить нож. Но в голове пронеслось: «Зачем? Чтобы он снова сломал тебя? Чтобы ты лежала на бетоне с перебитыми рёбрами и корчилась, как та, кого ты презираешь?» Она заставила себя расслабиться. Не потому, что проиграла. А потому, что поняла: победа в этом раунде — не её. Но игра ещё не закончена. Слёзы текли от боли в суставе и унижения, но глаза оставались сухими и злыми. В этот момент дверь цеха с лязгом распахнулась. В зал ворвались бойцы полицейского спецназа. Благодаря дымовой завесе Духа они вошли идеально: периметр был чист, цели дезориентированы. Они окружили Элеонор, зафиксировали, защёлкнули наручники. Её подняли на ноги, грубо, профессионально. Последним вошёл Иван Раковский. Он остановился в дверях, оглядел сцену. На его лице читалось глубокое удовлетворение.

— Отлично, — коротко сказал он. — Всё под контролем.

Данила наконец убрал хват, отошёл на два шага назад. Его лицо оставалось спокойным, но плечи слегка опустились.

— Она не монстр, Игорь, — тихо произнёс Данила, глядя на Раковского. — Она просто ребёнок, который вырос в ужасных условиях.

Раковский кивнул:

— Мы разберёмся.

Когда группу вывода сопроводили к выходу, Данила остался один. Он подошёл к окну, посмотрел на багровый закат.

— Ты думал, что знаешь город, — тихо сказал он своему отражению. — А город знал тебя лучше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.